УДК 1:3

ИНТЕРАКТИВНОЕ ОБЩЕСТВО: ПОНЯТИЕ И ГЕНЕЗИС

Подопригора Александр Васильевич,
Научно-образовательный центр Института экономики Уральского отделения Российской академии наук и Челябинского государственного университета,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: agora821@gmail.com

Аннотация
В статье ставится проблема содержания понятия «информационное общество» и предлагается новая теоретическая модель современного постиндустриального социума как глобального *интерактивного общества* в стадии цифровых коммуникаций. Интерактивное общество понимается, в рамках синергетического подхода, как сложная динамическая система социальной коммуникации и самоорганизации, основанная на нелинейном многообразии обратных связей между всеми узлами и элементами системы, носящем сетевой характер и закрепленном институционально. Раскрывается происхождение и уникальное содержание мировоззренческой парадигмы интерактивного общества в исторической динамике.

Ключевые понятия:
информация,
постиндустриальное общество,
интерактивность,
линейность,
коммуникация,
медиа,
институты,
динамические системы,
глобализация.

«Информационное общество» и информация: проблема определений

Современное глобальное постиндустриальное общество принято называть *информационным*, акцентируя тот факт, что его главным ресурсом, основной сферой занятости и досуга являются информация и постоянно обновляющиеся технологии обращения с ней. Однако представляется неслучайным, что, при широкой распространенности этого термина, его устойчивого научного определения не существует. Это отражает существенный пробел в теоретической модели современного социума, недостаточное понимание его базовых основ, ключевых проблем и возможностей развития в различных регионах мира.

Чаще всего с «информационным обществом» отождествляется либо постиндустриальное общество как таковое («постиндустриальное общество – это общество информационное», – утверждает Д. Нейсбит [15, с. 25]), либо его поздний этап, когда глубокое проникновение в социальную ткань телекоммуникационных и компьютерных инфраструктур, доминирование информационных технологий, научного знания и образования становится определяющим во всех сферах жизни, что вызывает соответствующие институциональные трансформации; формируется, по М. Кастельсу, *информациональное сетевое общество* как «глобальная архитектура самоперенастраивающихся сетей» [6, с. 44].

При всей полезности такого рассуждения здесь, очевидно, выносится за скобки определение качественной специфики такого общества, в результате чего содержание социального феномена, внутри которого мы находимся, остается размытым. Представляется, что авторы модели постиндустриального «информационного» социума, будучи впечатлены разительными технологическими отличиями «общества знаний» второй половины XX века от привычных доминант индустриальной эпохи («экономика конвейера, чугуна и стали»), не имели достаточных мотивов рассмотреть его более глубокую структурную основу, общую с предшествующими стадиями развития[1].

1 «Если капитал и труд – главные структурные элементы индустриального социума, то информация и знание – основа общества постиндустриального», – утверждает Д. Белл [2, с. CLI]; о том же говорит Д. Нейсбит: «...в информационной экономике прибавочная стоимость создается не трудом, но знанием» [15, с. 30]. Однако сегодня можно говорить о том, что информация и знание в равной степени являются и трудом и капиталом, что во многом лишает классическое описание постиндустриального информационного общества его объяснительной сути.

Прежде всего, отождествление «информационного» общества с постиндустриальным (или его стадией) выводит на первый план хронологический и технологический признаки, подразумевая, что индустриальное и традиционное общества существовали *до него*, не будучи информационными. К тому же, вытекающее из подобной логики определение таких обществ, как «доиндустриальных», «традиционных» или «аграрных» [23], мало дает пониманию их сущности, односторонне характеризуя эти социумы, которые продолжают органичное сосуществование с новыми укладами.

О. Скородумова, проанализировав существующие подходы к интерпретации информационного общества в рамках постиндустриалистской, синергетической и постмодернистской парадигм, делает вывод, что решение вопроса о статусе и особенностях информационного общества, видимо, должно лежать на их стыке [22]; мы же полагаем, что использование самого термина «информационное общество» сегодня становится малопродуктивным.

Ведь даже если исходить из традиционного понимания информации как различных данных, сведений, суждений, методах их обработки и обмена[2], а также из всего, что дает нам в этом смысле история, следует признать, что информация и коммуникации *всегда* служат основой любого общества и любой целенаправленной деятельности (это подчеркивал М. Кастельс [7]). Больше того, человек сам является одной из форм существования информации и коммуникации.

Здесь мы сталкиваемся с другим затруднением при употреблении термина «информационное общество». Оно связано с тем, что в науке не существует также и признанного определения базового для современного общества понятия «информация». В другой работе [18] мы подробно разбирали этот вопрос. Были приведены более ранние и ныне существующие определения понятия «информация», отмечены их разноречивость и содержательная неполнота (практически все они, так или иначе, сводятся к взаимоопределению терминов «сообщения», «сведения», «данные», «отражение», «различение», «выбор» и «информация»; имеет место также принципиальный отказ от выработки универсального определения).

Развивая классический подход К. Шеннона, мы предложили трактовку *информации* как изоморфного разным классам систем интерактивного алгоритма адаптации *неопределенности*. Мы определили информацию как универсальный вероятностный процесс генерации и адаптации сложными динамическими системами, в ходе коммуникации со средой по характерным контурам обратной связи, актуальных моделей (сценариев) многомерной структуры реальности через ее редукцию в определенной системе координат (контексте), снижающий неопределенность и регулирующий энтропию системы, обеспечивая ее упорядочение, воспроизводство и развитие [18, с. 27].

Таким образом, информация – это коммуникация, которая генерирует определенность: единство данных, канала коммуникации и контекста выбора («да» и «нет», 0 и 1 – именно поэтому она измеряется в *битах*); это то, что в английском языке иногда описывается многозначным термином *medium* («посредник» у П. Сорокина и Т. Парсонса) и позволило М. Маклюэну сформулировать классическое «*The Medium is the Message*» [10, с. 16] – послание, которое генерирует наблюдаемую реальность (социальную, в нашем случае) в процессе передачи, получения и «понимания» данных.

Ни один из этих элементов (средство коммуникации, данные и системный контекст) в отдельности не есть информация; нет информации *как таковой*, переданной или хранящейся – есть информация как «сообщение», *создаваемое* в процессе получения данных (воздействий среды) системой по определенным каналам коммуникации и их реализации в контексте внутренних процессов операционально замкнутой системы («понимание»)[3]. Это сообщение может не иметь значения для других случаев и систем – то есть, не становиться информацией, оставаясь некими данными; «обработка данных» в этом смысле также является неточным термином, поскольку предполагает (отождествляя данные с информацией), что «объективно существующая» информация обрабатывается (декодируется, распа-

[2] Д. Белл: «Под информацией я подразумеваю, в общих чертах, хранение, поиск и обработку данных как основу всех видов обмена, осуществляемых в экономике и обществе» [2, с. CLI].

[3] «Понимание коммуникации как единства, состоящего из трех компонент – информации, сообщения и понимания, которые только и производятся этой коммуникацией, – исключает возможность приписывания одной из этих компонент онтологической первичности», – пишет Н. Луман [9, с. 38]. Мы полагаем, что уместнее говорить об информации как о единстве средства коммуникации, данных и понимания (системного контекста, придающего данным значение).

ковывается) и далее существует *для всех* систем-пользователей как новый продукт. На деле «обработка» – это не распаковка данных, а генерация актуальной сценарной версии информационной реальности при помощи интерактивного коммуникационного контура системы, редуцирующего суперпозицию состояний [18, с. 25] *здесь и сейчас в определенном контексте;* только в этом процессе безличные данные становятся информацией, обретая единство формы и функции, содержание и смысл.

Коммуникация как *medium* – это интенциональная взаимосвязь и со-организация системы и среды, которая снижает неопределенность и выявляет «коридоры путей» развития – самоорганизацию системы в новой фазе через выбор в точке бифуркации. Процесс и пространство такого нелинейного взаимодействия, главным содержанием которого является генерация актуального сценария реальности, является информацией[4].

* * *

Поэтому, определяя «информационное общество» как постиндустриальное и отождествляя его с эрой компьютеров, электронных коммуникаций и экспоненциального наращивания объемов данных, мы можем лишь указывать на определенный технологический уклад как *этап* социального информационного процесса, идущего от архаических сообществ и древних государств к эпохе Интернета. В этом смысле человеческое общество всегда и всюду было информационным, основанным на методах и техниках коммуникации (изобретение колеса – не менее радикальная «информационная революция», чем запуск космического спутника, а создание алфавита – чем рождение Интернета); развитие или стагнация информационных технологий всегда являются следствием других процессов, происходящих в социокультурной жизни людей в различных регионах мира.

Следует поэтому признать, что понимание современного глобального социума нуждается в более глубоком социально-философском анализе и более развернутой качественной характеристике, чем акценты на новые уклады и инфраструктуры, политические институты и экономические тренды, а также многочисленные «информационные революции» как важные технологические сдвиги. Все это следствия, а не причины.

При этом не подлежит сомнению, что то, что подразумевается под современным «информационным обществом», как совокупность технологий и социальных институтов, стало сейчас глобально доминирующим феноменом, но зародился он во вполне определенных регионах мира, что было обусловлено особыми социальными и когнитивными процессами – а именно в Европе, далее – Северной Америке (обобщенный «Запад»). Именно здесь, в силу ряда причин, возникла особая информационная парадигма и развились соответствующие ей технологии и нормы, распространившиеся затем на весь мир.

Линейное и интерактивное общества. Мы исходим из того, что любое общество – это саморазвивающаяся информационная система, генерирующая социальную реальность в коммуникационном процессе, который и *является этой реальностью* (впервые отождествил общество и коммуникацию Н. Луман в 1997 г. [9]). Общества различаются типом и характером коммуникаций, форматами движения и соединения (конфигурации) идей, вещей и капиталов, скоростью прохождения сигналов и релевантностью их обработки («понимания»), активностью «откликов пользователей» и адекватностью реакций управляющих подсистем: институциональной архитектурой социума как интерфейса операционально замкнутой системы.

Поскольку сам человек является уникальной информационной системой, *сознательно и целесообразно* генерирующей наблюдаемый мир в согласии со своими представлениями, для него принципиально важна, как замечает Ф. Фукуяма, «ментальная модель» бытия [25, с. 550], выраженная в символах и алгоритмах коммуникации – своего рода *программа*, делающая возможной целенаправленную деятельность; история и особенности цивилизаций – это происхождение идей и систем ценностей, типология мировоззренческих парадигм[5].

Для создания таких коммуникационных моделей, радикально выделяющих человека в мире живых систем, используются «человекообразующие машины» (термин

[4] Маклюэн приводит в качестве примера «чистой информации», «средства коммуникации без сообщения» электрический свет. «Сообщением» любого средства коммуникации является то изменение масштаба, скорости или формы, которое привносится им в человеческие дела» [10, с. 10].

[5] «Социальные системы – это системы, смотрящие на самих себя, поскольку общество работает с саморефрентными моделями, являющимися проектами его самого и внешней среды», – пишет И. Москалев [13, с. 353].

М. Мамардашвили [11, с. 15]) – миф, символ, ритуал, философствование, искусство, политические конструкции и религиозные доктрины. Так как технологии – это *способ перевода* одного рода знаний в другой [10, с. 68], модели «внутренних коммуникаций», сформированные в символическом пространстве семантического континуума (культурном «поле интерактивности» и его архивах), реализуются в социальном мире институциональными «внешними расширениями» человека (М. Маклюэн) – это письменность и нормообразующие тексты, храмовые комплексы, общественные сооружения, структуры власти и общества, транспортные средства, медиа и т.д. Эти коммуникации, в свою очередь, определяют перемены в экономике, способах производства и распределения общественного богатства.

Язык, память и абстрактное мышление стали базовыми узлами системы социального взаимодействия. А первыми *medium* и одновременно первыми социальными институтами – религиозные коммуникации (не случайно лат. *religare* означает «соединять»), связанные с выделением человека из животного мира в качестве живой системы, *осознающей* в смерти свой предел и ищущей своего продолжения в коммуникации с метасистемой трасцендентного, посмертным миром. Архаические общества создали культ предков и сопутствующие ритуалы, а первые города были храмовыми комплексами, «городами мертвых»; религиозные корни перехода к оседлости, первых разделений труда и создания «мегамашин» власти в древних цивилизациях также отмечены исследователями [5, с. 57, 75]. Человек сначала воздвигает в своем сознании сакральную вертикаль как коммуникацию («посредник»/ «переводчик» – *medium*) с Богом и космосом, а затем строит вокруг нее, по ее подобию, прочие институты общества[6].

Наш подход состоит в том, что тип общественного устройства и динамика социума определяются не характером и уровнем используемых технологий коммуникации (они – следствие; верно и то, что одни и те же технологии использовались и используются в разных обществах, не снимая принципиальных различий между ними), а *мировоззренческой парадигмой как базисной моделью коммуникации в семантическом континууме*, которая, подобно матрице, определяет все другие виды коммуникаций в данном обществе, их характер, эффективность и динамику. А следом и институциональную архитектуру.

Можно выделить две ключевые модели коммуникации, которые, сосуществуя в различных обществах на всем протяжении истории человечества, тем не менее, по отдельности доминируют в основных группах социумов (цивилизациях), определяя их культуру, институты и динамику развития: это *линейный* и *интерактивный* типы коммуникации[7].

Для первого типа характерно доминирование ригидных линейных коммуникаций (горизонтальных внутри общин, а также совмещенных сакральной и властной вертикалей) при ограниченном (культурно, сакрально и административно) числе и слабости обратных связей между иерархически выстроенными узлами социума, что определяет консервативность и цикличность динамики такой системы. Интерактивный тип социальной коммуникации строится на многочисленных петлях обратной связи, нелинейном взаимодействии *всех* элементов системы, составляющих сложную, закрепленную институционально социальную сеть, постоянно генерирующую новую сложность информационного обмена для достижения цели.

Для коммуникационной модели интерактивного общества принципиально значение *отклика и конфигурации,* задающих модальность управляющих реакций по мере поступления и распределенной обработки новых данных, что позволяет снижать неопределенность (энтропию) и обеспечивает развитие социальной системы через выбор в точках бифуркации. Выражаясь языком кибернетики и программирования, интерактивное общество – это *социальный блокчейн* – децентрализованная система, обладающая памятью; в ней нет разграничения между *трансляцией* и *тестированием*, изменения происходят в «режиме реального времени» именно

[6] «Представляется, что испытываемая традиционным обществом потребность в государственной организации имела в первую очередь не политический или социально-экономический, а культурно-идеологический и социально-психологический характер. Иными словами, традиционное государство возникает, главным образом, в качестве *посредника* между людьми и сверхъестественными, божественными силами, призванного обеспечить отправление религиозных культов и в первую очередь культа плодородия вообще и плодородия земли в особенности» – отмечает Н. Разуваев [21, с. 108].

[7] Линейный тип коммуникации был подробно описан в работах Х. Лассвела, значение обратной связи подчеркивали Н. Виннер, Т. Ньюкомб, Г. Малецки, В. Шрамм и К. Осгуда; в некоторых работах ключевые признаки линейной и интерактивной моделей коммуникации характеризуются как «иерархический» и «демократический» типы, что, на наш взгляд, не вполне корректно их политизирует [20, с. 34].

в силу интерактивного характера системы – постоянного взаимодействия «пользователей» и «программы», построенного на консенсус – алгоритмах (которое есть единство *medium*). В линейном обществе коммуникационная программа, как правило, централизованна и неизменна, она имеет своим содержанием трансляцию от «программиста» к «пользователям», а институциональная архитектура ориентирована на консервацию системы, ее защиту от несанкционированных изменений.

Институты интерактивного общества оформлялись на протяжении многих веков, но на всех этапах своей эволюции являлись эффективными средствами и содержанием диалоговой коммуникации автономных субъектов социальной жизни, подобно нейронным сетям обеспечивая информационные процессы: жизнь и усложнение социального организма[8]. «Открыв» в доклассической Греции природу и космос как нечто *иное*, не равнозначное человеку и культуре (т.е. то, с чем можно и нужно осознанно коммуницировать), а вместе с тем – начала логики, европейская культура двигалась по «пути силлогизма» [15, с. 27, 48], поощряя рефлексию и усилия личности, ценности самовыражения и конкуренцию, социальную дифференциацию и мобильность.

Частная собственность (уже с VIII в. до н.э. в Греции) и *договор* между гражданами являются таким же институциональным фундаментом экономического и политического взаимодействия в интерактивном обществе с самых ранних этапов его развития, каким в линейном являются государственная (дворцово-храмовая) собственность, нерасчлененность частного и публичного права, управленческих и хозяйственных функций, условное владение активами представителями «тягловых» и «служилых» сословий, которые охватывают, по сути, все общество. Однако утвердиться, став на определенном этапе развития краеугольным камнем капитализма, частная собственность и договор могли лишь в обществе, глубоко усвоившем представления о причинно-следственных связях и интеракции, автономии и разграничении (подробнее об этом мы скажем ниже; не случайно У.Эко называет «основным понятием латинской культуры» понятие *предела*, границы (limes), которое берет свое начало в греческом рационализме и является основой логики, а затем и права [28, с. 538]).

Начиная с греческого полиса как формы социальной самоорганизации, интегрирующей в гражданской общине город и сельскую округу, духовную и политическую власть и давшей прообразы политических партий (сторонники демократии, олигархии, тирании и т.д.), разделения властей, публичного права и представительства, европейские институты имели своим содержанием сложную интеракцию различных социальных групп и личностей в рамках динамической социальной системы[9]. «В греческом полисе и римской республике слабость и немногочисленность государственного аппарата компенсировалась другими социальными регуляторами, среди которых исключительно важную роль играли «отеческие установления» и «заветы предков» вроде римского mos maiorum, полисные идеалы и полисная мораль, влиятельное общественное мнение и т.п. В этом смысле античная государственность, кажется, забежала далеко вперед, намного опередив свою эпоху», – отмечает А. Медведев [12, с. 24].

Примерно в то же время на востоке от Греции (а в Египте и Междуречье – намного раньше) на базе сельской гражданско-храмовой общины складывается социальная система, закреплявшая сакральную (божественный Закон) и властную (Царь) вертикали и сводившая к четко регламентированному минимуму коммуникации между социальными группами; в Индии сформировалась жесткая система *варн*, в Китае сложилось сильное бюрократическое государство, где трансформации происходили почти исключительно в формате катаклизмов – войн и восстаний, оставлявших структуру общества и программу трансляций («небесный мандат» императора) неизменной. Значительно позже сложилась аналогичная сис-

[8] «Существует конвергенция между эволюционной топологией живой материи, открытой природой все более сложного общества и интерактивной логикой новых информационных технологий», – отмечает М. Кастельс [7, с. 71]; Д. Дойч говорит о механизмах ДНК (которые есть информация в физическом смысле), которые «осуществляют очень точное интерактивное управление реакциями сложной среды» [4, с. 210].

[9] У греков слово «полис» стало обозначать и государство, поскольку в классической древности оно практически совпадало с городом и контролируемой им территорией, и даже – и это, с точки зрения существа античной цивилизации, самое главное – коллектив *граждан*, представляющий это государство и совпадающий с ним», – пишет Э. Фролов [24, с. 8]. Здесь можно увидеть прообраз интерактивного общества, где государство и институты практически совпадают с коллективом автономных, интерактивно взаимодействующих полноправных граждан.

тема линейной коммуникации в России, где единственным субъектом, источником вертикальной трансляции, по Ю. Пивоварову, была «Русская власть» [17, с. 184], а обратная связь между элементами социума практически отсутствовала (на протяжении целых эпох правящий класс и население даже говорили на разных языках).

Культуры и цивилизации Азии (прежде всего китайская и связанные с ней) шли по пути, кодированному информационной матрицей *«дао»* – холистического мировосприятия, акцентирующего тотальную включенность человека в космические ритмы, цикличность развития, постоянную регенерацию изначально установленного социального порядка и линейных коммуникаций – традиций и «церемоний», а не дифференциаций и полемики, поощрения адаптаций, а не изменений; приоритет семьи, коллективных интересов и государства. Результатом стали традиционный, консервативный социум, этатизм, слабое развитие конкуренции и научных исследований, низкая социальная мобильность. Сегодня ситуацию меняет глобализация, формируя цивилизационный синтез, в котором глубина спонтанного мировосприятия культур Азии дополняет технологическую и научную динамику Запада; можно сказать, что ментальные модели Азии и Европы лучше восприняли и воспроизвели разные аспекты бинарной информационной матрицы: различение и тождество, диалог и трансляцию, теперь же происходит их глобальный синтез при сохранении культурной идентичности (не всегда успешном) [18, с. 12].

Таким образом, *интерактивное общество* как теоретическая модель – это сложная динамическая система социальной коммуникации, основанная на нелинейном многообразии обратных связей и информационном обмене между всеми узлами и элементами системы, носящем децентрализованный, сетевой характер и закрепленном институционально. В таком смысле это наиболее эффективная модель социальной самоорганизации, ее отдаленные перспективы могут быть многообещающими, но их возможность, как и многочисленные риски, заложены именно в ее структурной основе.

Поэтому современное глобальное общество можно описать как сложную нелинейную социальную систему – *интерактивное сетевое общество* в стадии электронных коммуникаций. В своей «цифровой» версии интерактивное общество приобретает глобальный характер, основываясь на сетях электронной коммуникации [6, с. 73–75], «кодификации теоретического знания ради управления потоком нововведений и формулирования политики» [2, с. 661], трансграничных культурных, финансовых и человеческих потоках, а также институтах гражданского общества и правового государства. При этом глобальное интерактивное общество вбирает в себя институты и социумы линейной коммуникации, формируя феномен *глокальности* (где «локальное» не тождественно «традиционному», но и не выглядит эпифеноменом модерна» [26, с. 219]), дающий шанс региональным культурно – экономическим идентичностям в рамках многообразия глобального мира поверх административных границ. Характерно, что прежде линейные общества, подобные Китаю, становятся активными проводниками идей и инфраструктур глобализации.

Эти же процессы ведут к формированию периферийных *гибридных* систем социальной коммуникации, когда институциональные сети обратной связи используются патримониальными иерархиями линейных обществ для вертикальной трансляции традиционных смыслов («пониманий») в целях удержания политического и экономического доминирования. Это часто приводит к «искривлению» информационного пространства и его консервации, имея следствием неадекватные «отклики» и управленческие реакции системы, потерю динамики социума; глобальный тренд, который фиксирует Д. Нейсбит, состоит в том, что «иерархии сохраняются – утрачивается наша вера в их действенность» [15, с. 273]. Поэтому линейные иерархии отступают, утверждается парадигма интерактивного общества, основанная на свободе, скорости и многообразии коммуникаций как фундаменте эффективной социальной самоорганизации.

Эта коммуникационная парадигма родилась в определенном историческом контексте сложного взаимодействия идей и практик.

Пифагор и «цивилизация числа». Западное интерактивное общество в его современном виде сформировала масштабная социальная трансформация XVI–XVIII вв. – коммуникационно-коммерческая «революция» XVI века в Европе (ее также называют «капиталистической» или «городской»), далее – промышленная и технологическая, следом – «компьютерная революция» XX века.

Однако всем им предшествовал фундаментальный мировоззренческий сдвиг,

сутью которого было «изобретение» модели социальной коммуникации на базе *петли обратной связи*, ставшей основой европейского социума как *интерактивного общества*. Это было утверждение принципа обратной связи в сфере познания, санкционирующего в религиозно-философском синтезе возможность рационального знания, а также конструирования на этой основе социальных отношений и государственного управления без прямой отсылки на божественный Закон. Этот переход «от мифа к Логосу» был самой настоящей когнитивной революцией, заложившей основы современного социума.

Она пришлась на «осевое время» (термин К. Ясперса) в истории человечества – в период между VIII и II веком до н.э. человек полностью сформировался в его нынешнем виде и обозначилась историческая развилка, обусловившая появление тех моделей осмысления мира и типов социальной коммуникации, которые воплотились в учениях греческих философов, иудейских пророков, системах Упанишад и Будды, Конфуция, Лао-Цзы и Заратустры, создав основы цивилизаций Европы, Индии, Ирана и Китая [29, с. 32]. Ключевым для формирования парадигмы интерактивного общества был тот мировоззренческий сдвиг, который проявился с VI в. до н.э. в ионийском Милете и практически одновременно – в италийских городах Великой Греции, где родилась религиозно-философская традиция пифагореизма, во многом послужившая идейным фундаментом платонизма, а через него – христианства, выросшего на почве эллинизма.

В рамках изложения концепции нет возможности подробно говорить о всем комплексе идейных и социально-экономических предпосылок этого фундаментального сдвига, однако необходимо отметить, что он произошел в Восточном Средиземноморье, области наиболее активной коммуникации Европы с Ближним Востоком и Египтом, идейного и торгового обмена, завоеваний и колонизаций – не случайно античная доксография полна рассказов о путешествиях и обучении ионийских и италийских философов в Египте, Вавилоне и Персии. Однако это движение отнюдь не было односторонним, как это часто выглядит [3, с. 304]. Огромную роль в идейном синтезе, который можно назвать первым опытом глобализации, сыграли архаические европейские верования «эпохи мегалитов», давшие глубоко отличный от ближневосточного образ загробного мира, орфические культы и «гомеровская» религия, «Теогония» Гесиода. Все это, вместе взятое, породило уникальный мировоззренческий феномен, в своей философской редакции впервые выраженный пифагорейцами в полемике с ионийцами и сразу же получивший отчетливое общественно-политическое звучание.

Главное открытие пифагорейцев заключается в том, что постулируемое ими божественное единство мира *может быть исчислено* – то есть воспринято и познано немифологически. Ранние досократики открыли и утвердили принцип, согласно которому существует и доступен человеческому познанию информационный алгоритм, общий Богу, космосу и человеку (познаваемый именно в силу этой общности) и выраженный в числах, которые есть *посредник* – *medium* между человеком и Божественным; именно в этом до конца еще не понятая суть пифагорейской доктрины «все есть число», философии «предела и беспредельного» Филолая [1, с. 48], акцента на геометрию, гармонику и метемпсихоз (как проявление причинно-следственной связи между жизнью человека и посмертным миром).

То, чем является число для пифагорейцев, в древнем богословии (от «мемфисской теологии» и классической Греции до эллинизма и христианства) соответствует Слову – Логосу; этому понятию также примерно соответствуют *рита* и *дхарма* в Индии, *дао* в Китае, иудейский Закон: это «матрица» миропорядка, общая Богу и человеку, но находящаяся с человеком в разных отношениях (типах коммуникации).

Отличие пифагорейского подхода в том, что число – *счетное* понятие, оно предполагает рациональное разделение, разграничение (Бога и человека, познающего субъекта и познаваемого объекта, причины и следствия, при их онтологическом единстве) и *обозначение* сущностей как основу *интеракции* – ключевую предпосылку рационального знания, моделирования и целенаправленной деятельности. Как отмечал А. Лосев, Пифагор и его школа поняли число как «диалектический синтез беспредельного и предела», внутреннего и внешнего, где «предел есть принцип расчленения, оформления» [8, с. 37–39, 116]. Числа обретают здесь как онтологическое, так и гносеологическое значение: нечто беспредельное и безграничное нельзя познавать, ибо познание по сути своей есть различение познаваемого, его ограничение и определение. Именно число (шире – знак) есть то, что дает возможность различать, соизмерять и конструиро-

вать феномены наблюдаемой реальности, структурируя неопределенность неразличенности в определенной системе координат на базе онтологического тождества субъекта и объекта.

Это воззрение утвердило метафизический смысл человеческих дел и образа жизни, трансцендентальную санкцию познания и определяемых обществом этических норм. В пифагорейской парадигме именно человек, в силу родства богам, свободно и *лично* выявляющий числовые гармонии и геометрические пропорции как математический язык коммуникации с Логосом, создает *определенность,* которая делает возможным научное познание и рациональную деятельность вообще, включая политику как обустройство социума на справедливых (то есть учитывающих в коммуникационном процессе интересы *разных групп* людей) началах. Не случайно пифагорейцы, а вслед за ними Платон, активно занимались политической деятельностью в италийских полисах.

Также совершенно не случайно открытие чисел как математического языка коммуникации с семантическим континуумом совпало с адаптацией в Греции финикийского алфавита, что создало уникальный и наиболее эффективный язык коммуникации в мире вещей и обменов. Фонетический алфавит изменил социум, ознаменовав демократизацию письменности[10], сделав этот ключевой вид социальной коммуникации интерактивным (для линейных обществ характерно идеографическое письмо и тщательно охраняемые традиции устной культуры), открыв дорогу унифицированным кодексам и переводам; далее – книгопечатанию, газетам и электронным коммуникациям, закреплению и развитию общественных институтов интеракции, в том числе – демократических.

Именно сакральная санкция на рациональное познание дает возможность людям осмысленно действовать в мире, двигаясь не только *от Бога*, но к Нему, выстраивая взаимодействие в социуме. Это противоречивый, драматичный, но вместе с тем глубоко оптимистический порядок жизни, возвышающий и оправдывающий человека (в своем пределе – через Крестную жертву), его земные дела и творчество (в христианстве человек предстает как Образ Божий).

Такое миропонимание контрастирует с другими фундаментальными мировоззренческими концепциями «осевого времени», утверждавшими непознаваемость и непредсказуемость божества (Закон Яхве), умаление личности, нерефлексируемый приоритет Пути (дао), иллюзорность земной жизни как цепи страданий (сансара), метафизическое признание только той деятельности, которая *не связана* с достижением цели во избавление от круговорота рождений («синтез Гиты»), ущербность загробного мира и бессмертие как «привилегию» богов («гомеровская» религия). Знание в них предстает исключительно как вертикальная трансляция божественной воли (откровение), медитация или иррациональное следование Пути (что в дальнейшем нашло свое утверждение в исламском ответвлении авраамизма).

Принципы, впервые сформулированные пифагорейцами, акцентировались и развивались во всех ключевых европейских мировоззренческих системах, дав начало великой традиции рационального знания от Аристотеля к Копернику и Бруно, Декарту и Лейбницу, Ньютону и Локку, квантовой физике и *цифровому обществу* – современному этапу «цивилизации числа»[11], предвосхищенной в Кротоне VI в. до н.э.: все они имели в своей основе *математическую модель мира*, опосредующую в социуме космос и трансценденцию. Это мировоззрение породило целую цепь европейских коммуникационных, культурных, научных и технологических «революций», обилие которых заставляет уйти от этого звучного термина и представлять развитие европейской цивилизации как последовательную социальную и технологическую динамику саморазвития интерактивной информационной парадигмы. Ничего подобного мы не наблюдаем в восточных цивилизациях, начиная с «законсервированного» на своем культурном пике в III тысячелетии до н.э. Египта; индуистские даршаны и конфуцианские каноны также остаются неизменными в своей основе по сей день, а базирующиеся на них современные цивилизации являются «контекстно связанными» (выражение В. Цымбурского) с западной.

Особенно важно, что культурная парадигма Запада, основанная на христианстве, возникшем на почве глубоко диалогичной

[10] «Сочетавшись браком с папирусом, алфавит возвестил о конце стационарных храмовых бюрократий и жреческих монополий на знание и власть», – пишет М. Маклюэн [10, с. 94].

[11] А. Назарчук отмечает «унификацию и формализацию интеллектуального мира в «цивилизации числа», способность к непонятийному познанию и воспроизведению мира. В новой рациональности «предметы и состояния» растворяются перед «соотношениями и процессами», отраженными в массивах числовых данных: рушится материалистическая онтология макропредметности» [14, с. 21].

культуры эллинизма, и его философская (а следом – политическая) мысль всегда двигались внутри мучительного противоречия между акцентом на рациональное познание мира через дефиниции, свободу выбора и личное действие и равновеликого по силе осознания доминирования над личностью непостижимого Бога и бездны иррационального в самом человеке. Это «дилемма Софокла», впервые описанная в драме царя Эдипа, проходит через всю историю западной мысли, где богословие проникнуто логикой, а наука оставляет место Богу и неопределенности; она нашла свою философскую формулу в антиномии истины (познания) и блага (веры, морали) И. Канта.

Этот внутренний конфликт оказался удивительно плодотворным, дав обществу эффективные инструменты развития и «застраховав» риски подмены Бога человеком институтами социальной интеракции. Но он же породил идеи тоталитаризма, которые присутствуют в европейском миропонимании от Платона до Маркса и воплотились в тираниях XX века, основываясь на парадоксальном сочетании убежденности в возможностях рационального познания и управляемого переустройства мира с культивированием архетипов бессознательного и фундаменталистских представлений.

Современное общество продолжает двигаться внутри этой сложной парадигмы в поисках нового баланса между критически возрастающим объемом информационных ресурсов и возможностями их «понимания» и разумного использования; между ценностями личной свободы и государственного регулирования, между технологической динамикой, меняющей общество, и консерватизмом социальных институтов. По сути своей, интерактивное цифровое общество – это новый формат *адаптации неопределенности*, продиктованный современными протоколами социальной коммуникации высокой сложности в глобальном масштабе.

1. Афонасин Е., Афонасина А., Щетников А. Пифагорейская традиция. Переводы и материалы. СПб.: РХГА / Пальмира, 2017. 749 с.

2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 1999. 956 с.

3. Гатри У. Ранние досократики и пифагорейцы. История греческой философии, т. 1. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2015. 863 с.

4. Дойч Д. Структура реальности. М.: АНФ, 2015. 430 с.

5. Зубов А.Б. Лекции по истории религии. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 202 с.

6. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: ИД ВШЭ, 2016. 564 с.

7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

8. Лосев А.Ф. От Гомера до Прокла. История античной эстетики в кратком изложении. СПб.: Азбука, 2016. 352 с.

9. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Издательство «Логос», 2004. 232 с.

10. Маклюэн М. Понимание Media: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2017. 464 с.

11. Мамардашвили М.В. Лекции по античной философии. СПб.: Азбука, 2012. 320 с.

12. Медведев А.П. Был ли греческий полис государством? // Античный мир и археология. 2006. Вып.16. С. 16–32.

13. Москалев И.Е. Инновационная сложность самообучающихся систем / Синергетическая парадигма. М.: Прогресс-традиция, 2011. С. 352–364.

14. Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 320 с.

15. Нейсбит Д. Мегатренды. М.: АСТ, 2003. 380 с.

16. Нейсбит Р. География мысли. М.: Астрель, 2011. 285 с.

17. Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская Система и реформы // Pro et Contra. 1999. № 4. С. 176–197.

18. Подопригора А.В. Генератор реальности: информация и механизмы самоорганизации // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2016. Т. 16. Выпуск 4. С. 17–33.

19. Подопригора А.В. Институт и инструмент. Глобальная неопределенность и социальная динамика // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 7–15.

20. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2006. 656 с.

21. Разуваев Н.В. Эволюция государства: социально-антропологический и юридический аспекты. URL: https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/98LFY09jQk.pdf (дата обращения: 11.05. 2017).

22. Скородумова О.Б. Отечественные подходы к интерпретации информационного общества: постиндустриалистская, синергетическая и постмодернистская парадигмы // Знание, понимание, умение. 2009. № 4. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Skorodumova/ (дата обращения: 04.05.2017).

23. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.

24. Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 266 с.

25. Фукуяма Ф. Государственный порядок. М.: АСТ, 2015. 688 с.

26. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. М.: АСТ, 2017. 704 с.

27. Чешков М. Глобальный мир. Обзор зарубежных работ последнего десятилетия // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 4. С. 210–224.

28. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. М.: Академический проект, 2016. 559 с.

29. Ясперс К. Истоки истории и ее цель / Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. С. 28–288.

References

1. Afonasin E., Afonasina A., Shchetnikov A. (2017) The Pythagorean tradition. Translations and materials. Saint Petersburg, Russian Christian Humanities Academy / Palmyra, 749 p. [in Rus].

2. Bell D. (1999) The Coming of post-industrial society. Moscow, Academia, 956 p. [in Rus].
3. Guthrie W. (2015) The Early presocratics and the Pythagoreans. History of Greek philosophy. vol. 1. Saint Petersburg, Publishing House «Vladimir Dal», 863 p. [in Rus].
4. Deutsch D. (2015) The fabric of reality. Moscow, ANF, 430 p. [in Rus].
5. Zubov A.B. (2016) Lectures on the history of religion. Moscow, Alpina non-fiction, 202 p. [in Rus].
6. Castells M. (2016) The Power of communication. Moscow, ID VSHE, 564 p. [in Rus].
7. Castells M. (2000) The Information age: economy, society and culture. Moscow, Publishing house GU VSHE, 608 p. [in Rus].
8. Losev A.F. (2016) From Homer to Proclus. History of ancient aesthetics in a brief statement. Saint Petersburg, ABC, 352 p. [in Rus].
9. Luhmann N. (2004) Society as a social system. Moscow, Publishing House «Logos», 232 p. [in Rus].
10. McLuhan M. (2017) Understanding Media: external expansion of man. Moscow, Kuchkovo pole, 464 p. [in Rus].
11. Mamardashvili M.V. (2012) Lectures on ancient philosophy. Saint Petersburg, Azbuka, 320 p. [in Rus].
12. Medvedev A.P. (2006) *The ancient world and archaeology*, vol. 16, pp. 16–32 [in Rus].
13. Moskalev I.E. (2011) The complexity of Innovative learning systems / Synergetic paradigm. Moscow, Progress-tradition, pp. 352–364 [in Rus].
14. Nazarchuk A.V. (2009) The Theory of communication in modern philosophy. Moscow, Progress-Tradition, 320 p. [in Rus].
15. Nesbit D. (2003) Megatrends. Moscow, AST, 380 p. [in Rus].
16. Naisbit R. (2011) The Geography of thought. Moscow, Astrel, 285 p. [in Rus].
17. Pivovarov Yu., Fursov A. (1999) *Pro et Contra*, no. 4, pp. 176–197 [in Rus].
18. Podoprigora A.V. (2016) *Scientific Yearbook of the Institute of philosophy and law, Ural branch of RAS*, vol. 16, issue 4, pp. 17–33 [in Rus].
19. Podoprigora A.V. (2016) *Socium i vlast*, no. 6 (62), pp. 7–15 [in Rus].
20. Pocheptsov G.G. (2006) Communication Theory. Moscow, Refl-Buk, 656 p. [in Rus].
21. Razuvaev N.V. The evolution of the state: a socio-anthropological and legal aspects, available at: https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/98LFY09jQk.pdf (accessed 11.05.2017). [in Rus].
22. Skorodumova O.B. (2009) *Knowledge, understanding, and ability*, no. 4, available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Skorodumova/ (accessed 04.05.2017) [in Rus].
23. Toffler E. (2010) The Third wave. Moscow, AST, 784 p. [in Rus].
24. Frolov E.D. (2004) Birth of the Greek Polis. Saint Petersburg, Izd-vo S.-peterb. University press, 266 p. [in Rus].
25. Fukuyama F. (2015) State system. Moscow, AST, 688 p. [in Rus].
26. Fukuyama F. (2017) The Extinction of the state. Moscow, AST, 704 p. [in Rus].
27. Cheshkov M. (2002) *Pro et Contra*, vol. 7, no. 4, pp. 210–224 [in Rus].
28. Eco U. (2016) From the tree to the labyrinth. Historical research for the sign and interpretation. Moscow, Academic project, 559 p. [in Rus].
29. Jaspers K. (1994) The Origins of history and its purpose / the Meaning and purpose of history. Moscow, Respublika, pp. 28–288 [in Rus].

UDC 1:3

INTERACTIVE SOCIETY: CONCEPT AND GENESIS

Podoprigora Aleksandr Vasilievich,
Scientific-educational center of the Institute of Economics, Ural branch of Russian Academy of Sciences and Chelyabinsk State University,
Senior Researcher,
Cand. Sc. (Political Sciences),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: agora821@gmail.com

Annotation
The article raises the problem of the notion "information society" and proposes a new theoretical model of a modern post-industrial society as a global, interactive society in the stage of digital communications. The interactive society is understood in the framework of the synergetic approach, as a complex dynamic system of social communication and self-organization based on nonlinear manifold feedbacks between all nodes and elements of the system, bearing the network character which is institutionalized. The author reveals the origin and the unique content of the ideological paradigm of the interactive society in the historical dynamics.

Key concepts:
information,
post-industrial society,
interactivity,
linearity,
communication,
media,
institutions,
dynamical systems,
globalization.